

ДЕБРА
ОЛИВЬЕ

АВТОР БЕСТСЕЛЛЕРА
«О ЧЕМ МОЛЧАТ
ФРАНЦУЖЕНКИ»

Найди
в себе
французенку

ИСКУССТВО БЫТЬ СЧАСТЛИВОЙ

Дэбра Оливье
Найди в себе французенку.
Искусство быть счастливой

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17203690

*Оливье, Дэбра. Найди в себе французенку. Искусство быть счастливой: Издательство «Э»;
Москва; 2016*

ISBN 978-5-699-86077-7

Аннотация

Яркая, мудрая, практичная, вдохновляющая, эта книга раскрывает тайну французенок и секрет их уверенности в себе. Почему французенки всегда выглядят так непревзойденно стильно? Как им удается сидеть в кафе за обедом из трех блюд и бокалом вина... в одиночестве? Что придает им сил и позволяет отказаться от чего угодно – мужчины, работы или маленького черного платья, если те не идеальны?

Это больше, чем книга о моде. Это книга о французском образе жизни. Наблюдения автора о французенках и их привычках позволят вам заполучить лучшую страницу из записной книжки парижанки – страницу, которая откроет секрет, как по-настоящему наслаждаться жизнью и быть счастливой.

Содержание

Предисловие	5
Глава первая	6
Она сдержанна	9
Она чувственна	10
Она благоразумна	12
Она не спешит	16
Она ценит качество и подлинность	18
Как ходить по магазинам по-французски	19
Она создает свою историю	21
Fin – Заключение	23
Глава вторая	24
Воспитание сексуальности	27
Голая правда	29
О спорте	32
Винтажная чувственность	33
La liberté – Свобода	34
Кожа и святая святых	35
Макияж и духи	37
Ароматы: краткая история французских духов	38
Образ	40
О комфорте	44
Французский отличительный знак	46
Fin	48
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Дебра Оливье

Найди в себе француженку.

Искусство быть счастливой

Французские привычки и правила поведения уходят своими корнями в цивилизацию, настолько непохожую на нашу – гораздо более древнюю, богатую, более продуманную и четко оформленную, – что обычаи французов неизбежно отличаются от прочих сильнее, чем обычаи более примитивных народов; и мы должны докопаться до глубин веры и принципов, по которым каждый народ строит свою жизнь, чтобы понять, как много общего в самих основах у двух людей, чьи судьбы столь непохожи.

ЭДИТ УОРТОН. «Французские обычаи и их значение»

Debra Ollivier

ENTRE NOUS: A WOMAN'S GUIDE TO FINDING HER INNER
FRENCH GIRL

Copyright © 2003 by Debra Ollivier and Lark Productions.

© Астапова Е.А., перевод на русский язык, 2016

© Коломина С.Г., иллюстрации, 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

Предисловие

Как собрать в одной книге все особенности и неотъемлемые черты француженки? Она волшебна и таинственна, она неотразима и противоречива; она – часть великой истории, в которой были и воинственные девы-прорицательницы, и безжалостные королевы. В общем, она – звезда в пантеоне женской красоты и силы, но если вы скажете ей все это, она не поверит и рассмеется. «Как забавно!» – сказала мне одна подруга-француженка, узнав, как ее воспринимают за границами крошечного шестиугольника ее страны.

Француженка, разумеется, – это сочетание многих прекрасных парадоксов, и создать ее обобщенный портрет практически невозможно. Есть богемная девушка, разгуливающая по парижским блошиным рынкам, и есть интеллектуалка, живущая книгами. Есть вечная студентка, пропитанная атмосферой великих французских университетов, и есть бунтарка (о да, уж если мы об этом заговорили – воинствующая антиамериканка). Есть девчонка-сорванец и принцесса; классическая представительница буржуазии и уважаемая мать семейства; консервативная жена фермера, только раз или два за всю свою жизнь выбиравшаяся в Париж, ведь, в конце концов, это такая встряска, а жизнь в ее маленьком городке и так прекрасна, поэтому – *merci beaucoup*. И не забудем еще о француженках в первом поколении, чьи североафриканские и восточные корни вносят новые сложные краски в, пожалуй, чересчур устойчивые основы национальной культуры. И все эти типажи, конечно, имеют самые разные фигуры, размеры и внешность.

Наша собственная культура много позаимствовала у французенок: у нас есть все – от высокой моды, *haute couture*, до высокой кухни, *haute cuisine*. И даже непристойные словечки, заставлявшие нас краснеть во времена чопорного викторианского английского. И все же, когда дело доходит до собственно француженки, мы чаще представляем себе стереотип (вы его знаете: стройная богиня из Европы на высоких каблуках), а не архетип. Но именно в архетипе француженки – той, что отрицает стереотипы, той, чьи неотъемлемые качества наполняют ее этим особенно чарующим *je ne sais quoi*, – мы найдем настоящую героиню этой книги.

Исконная француженка – не та женщина, которую вы видите на обложках модных журналов или на большом экране. И не та женщина, которую вы видите прогуливающейся по улице Сент-Оноре. Она – квинтэссенция сложных многовековых страстей своей культуры. Она – суть, поведение, склад ума, – и она есть во всех нас. Она – та часть нас, которая ведет себя свободно и не связана угрюмыми путами пуританской морали и чувством вины. Она – та часть нас, которая чувствует движение жизни, не спешит и ощущает свою сексуальность без явных причин. Она, по сути, та часть нас, которая не хочет жить согласно представлениям, которые имеют о ней окружающие. Она – хозяйка самой себе. Целиком и полностью.

Почти сто лет назад Эдит Уортон, жившая в Париже, написала заметки, в которых суть французов схвачена с такой ясностью, что они и сегодня звучат актуально. Благодаря ее нестареющей мудрости и наблюдениям за француженками мы могли бы помочь себе избавиться от груза привычных эмоций и наполниться чем-то более значительным; мы могли бы начать жить, а не зарабатывать на жизнь; и, наконец, мы могли бы продрались сквозь джунгли своих мыслей – не для того чтобы *стать* француженками (не это наша задача), но чтобы сбавить темп, выбросить книги о диетах, перестать обращать внимание на практические руководства, закончить давать себе бесконечные обещания и найти в себе свою внутреннюю француженку.

Глава первая Голова

Случилось так, что первой настоящей француженкой, с которой я познакомилась, стала Натали. В то время она жила на старой отреставрированной ферме, расположенной к югу от Парижа, где ее муж и группа амбициозных трюффо¹ снимали фильм о безответной любви

¹ Режиссер, от имени французского режиссера Франсуа Роллана Трюффо.

и экзистенциализме. (Такое возможно только во Франции!) Натали была одета в обтягивающую черную юбку при уже очень беременном животе, футболку под прозрачной блузкой и обута в замшевые ботинки. Длинные волосы были зачесаны назад и заколоты черепаховым гребнем, но несколько непослушных прядей в беспорядке спадали на плечи. И на ней не было ни грамма косметики.

Она была абсолютно довольна собой и, несомненно, чувственна, а когда она начинала говорить, что было нечасто, вы понимали, что она обладает незаурядным умом. Это было именно то невероятное соединение красоты и ума, которое наполняет француженок и делает их лица такими привлекательными, благородными и сильными. Было бы просто предположить, что очарование Натали заключалось в ее внешности (волосах, одежде, общем облике). Слишком просто. Как у большинства француженок, *je ne sais quoi* Натали скорее проистекало не из ее внешности, а из ее истории: она была сформирована поколениями женщин с независимым умом (многочисленными королевами, куртизанками и сохраняющими традиции французскими матерями); негласными правилами приличий и куртуазной любви; наследием женской хитрости и силы интеллекта – и в тот момент, идя по деревенской улице, где слои цивилизации были такими толстыми, что их можно было резать ножом, все, что я хотела, – умереть и заново родиться француженкой.

Это, увы, было невозможно.

Однако мне представился шанс достаточно долго прожить во Франции и изучить на довольно близком расстоянии те неотъемлемые качества, которые делают француженку такой французской. И постепенно начиная понимать главные принципы, которые формируют ее восприятие мира, я стала задавать себе вопрос: как мы, с нашим культурным багажом и традициями, можем интегрировать некоторые из этих качеств в свою жизнь и найти в себе свою внутреннюю француженку? Разумеется, нам нужно оставить в стороне миф о французском стиле, который так легко принять за определяющую черту француженки, и взглянуть гораздо глубже, на некоторые базовые принципы, на то, как она видит себя и ведет себя в мире.

Француженки, которых мы любим

ЖАННА Д'АРК

За то, что слышала голоса и следовала зову своего сердца. La Pucelle (Девственница) была честной, пылкой и бесстрашной – она была первой девушкой-партизаном. Мы считаем, что за свою короткую жизнь она достигла потрясающих высот, и, глядя на нее, хотим быть лучше, верить

искренне и ничего не бояться. Посмотрите классический немой фильм 1928 года режиссера Карла Дрейера «Страсти Жанны д'Арк» или современную кинокартину 1999 года «Жанна д'Арк» Люка Бессона. Прочтите книгу историка Режи́н Перну «Жанна д'Арк» или немного неточную, но прекрасно написанную «Святую Жанну д'Арк» Виты Сэквилл-Уэст. Или же лучше ознакомьтесь с «Жанной д'Арк» Марка Твена (да, Марка Твена!), тщательно и любовно написанным биографическим романом. Писатель считал его своей самой важной и самой лучшей работой. Только не говорите об этом Тому и Геку.

Если убрать верхний слой, эти неотъемлемые качества начинают озарять, как лучи, каждую сторону жизни француженки: они влияют на то, как она ведет себя, какую одежду носит, каких мужчин впускает (или нет) в свою жизнь. Они формируют ее представление о себе, то, что она читает, как и что она ест. Они подчиняют и регулируют ее чувственный опыт, представление о времени и уклад семейной жизни.

Как гладкая поверхность речного камня, многие из этих качеств оттачивались на протяжении долгих веков культуры и цивилизации. И все же некоторые из них можно взрастить (в каждой женщине, в своем собственном саду), и в следующих главах мы расскажем, как это сделать. А сейчас – о том, что же это за неотъемлемые качества и как они формируют у француженки восприятие себя самой и всего мира.

Она сдержанна

Если убрать все стереотипы и несоответствия, имеющиеся в наших представлениях о француженке, то одним из главных качеств, с которым она ассоциируется, будет ее сдержанность. Она совершенно, недвусмысленно самодостаточна. Она сосредоточена на своей собственной жизни, следует своему расписанию и совершенствует свою истинную сущность, а не изобретает себя заново и не стремится стать кем-то еще. На протяжении всей жизни она вкладывается в учебу и опыт, но не для того, чтобы *измениться*, а для того, чтобы *стать* еще более полно и основательно той, кто она есть на самом деле. Получая ответы преимущественно изнутри – из жизни разума и опыта критического мышления, – она обладает силой характера и точностью восприятия. И так как она знает, кем является внутри, она и снаружи естественно и неизбежно производит впечатление уверенной в себе.

Отсюда возникает прекрасный, фантастический парадокс француженки: хорошо зная себя, она способна дать волю своим чувствам; будучи сдержанной, она может быть ранимой, не выворачиваясь при этом наизнанку. Она, словно тонкой аурой, окутана этой смесью чувственности и *sang froid* (хладнокровия).

Любой выбор, который она делает, подчеркивает это ее фундаментальное отношение к самой себе. Француженка старательно ухаживает за своим личным садом. Заботясь о себе и в большом, и в малом, она может также заботиться и об окружающих, она может сосредоточиться на настоящей жизни и истинных ценностях, а не на суете и мелочах. Она понимает, что, помогая другим, помогает самой себе. В ее спокойствии нет ничего случайного; оно – результат знания себя и верности себе.

Она чувственна

Тут задействовано нечто более телесное – вдохновенная чувственность, благородная простота, которая так возбуждает нас, иностранцев, приезжающих во Францию. И это награда, которую француженка получает, испытывая удовольствие. Удовольствие от самых обычных вещей. Удовольствие от исключительных вещей. Она не путает коммерцию с культурой, и течение ее жизни не зависит от того, что она покупает или видит по телевизору; оно, скорее, питается чувственным наслаждением, текущим моментом, почти осязаемым ощущением удовольствия и пробуждающей воспоминания силой вещей, казалось бы, самых привычных. Помните Одри Тоту в «Амели»? Она погружает руки в мешки с зерном, просто чтобы получить удовольствие от ощущения. Она наслаждается хрустом, с которым чайная ложка ломает корочку на крем-брюле. И она успокаивает себя, бросая камешки в канал Сен-Мартен.

Чувственность настолько сильно пропитывает жизнь француженки, что она почти отчетливо видна. Она в привычном течении жизни, в патине веков, образующейся со временем. Она в хлебе, который пекут вручную, в зреющем вине. Она в цвете чернильницы или парчовых штор, в неумной пышности архитектуры.

«Женщиной не рождаются, ею становятся».

СИМОНА ДЕ БОВУАР

А более всего – в идеализации неидеального – в сложности и подлинности, которые создают характер, глубину и шарм.

Приверженность этим ценностям придает француженке утонченную и сексуальную уверенность в себе, которая обеспечила ей место в Зале Славы Женственности и сделала знаковой фигурой во всем мире. Она так полно и недвусмысленно занимает свое собственное место, с таким только ей присущим вкусом, что кажется, будто еще с малых лет она знала о том, кто она есть и куда идет. Возможно, это так. Как заметила Эдит Уортон, «...она, почти во всех отношениях, насколько возможно, отличается от средней американки. Француженка – *взрослая*».

ФИЛЬМ

«ДВОЙНАЯ ЖИЗНЬ ВЕРОНИКИ»

Посмотрите этот фильм ради блестящей, восхитительной игры звезды французского кино Ирен Жакоб в роли Вероники. Он напоминает нам, что если мы не живем, по-настоящему ощущая все, что нас окружает, то мы не живем вовсе.

Она благоразумна

Из ее самообладания вытекает еще одно важное качество, придающее четкую форму ее миру: благоразумие. Француженка надевает на себя благоразумие, как фильтр на экран, и пропускает через этот фильтр каждое решение, которое принимает в своей жизни: как одеваться, как проводить время, кого пускать в свою жизнь, что говорить (и о чем молчать). Благоразумие – постоянный акт самоконтроля.

Француженка понимает, что даже самое малейшее движение – это выбор, обдуманное предпочтение одного пути другому, одного результата другому, одного впечатления другому. Для нее не бывает случайностей.

Все, что с ней происходит, – ее личный выбор, и за каждым ее решением стоят тщательные, неспешные размышления: *«Это действительно я? Следует ли мне высказаться или промолчать? Как мне следует обратиться к этому человеку? Насколько я могу открыться? Какова истинная цена этой дружбы, этого опыта, этой вещи? Принесет ли мне это пользу, буду ли я ощущать себя сексуальной, живой?»*

Благоразумие француженки чаще проявляется в том, о чем она предпочитает *не* говорить. Как и ее культура, она скрытна и не любит исповедоваться. Посадите двух американок на скамейку в парке, и через каких-нибудь пять минут вы услышите, по крайней мере, одну историю жизни. Не раскрываясь слишком быстро – не рассказывая о своих тайнах, предпочтениях, внутренней жизни, – француженка иногда может показаться эгоистичной. Но на самом деле то, что у француженки часто принимают за эгоизм, – это состояние сосредоточенности на себе. И ее отстраненное обаяние – это чаще всего слабое мерцание тайного мира, который она скрывает внутри.

Из записной книжки француженки: самообладание

Найди свой стержень и живи в согласии с ним. Не поддавайся на попытки сделать из себя кого-то еще; вместо этого сконцентрируйся на том, как полностью развить свое «я». Не сбивайся с курса из-за господствующих ветров новых тенденций. Получай истинное удовольствие, а не просто бездумно развлекайся. Питай свой ум. Собирай впечатления и мнения. Знай, о чем думаешь.

История со всеми ее хитросплетениями научила француженку, что интимные детали ее жизни – состояние, которым не следует разбрасываться. По натуре не склонная к открытиям, француженка старается не попадать в ловушку слухов и сплетен и избегает переписки, пустой болтовни и игры на чувствах других. Она также понимает, что детали жизни, раскрытые другим, выходят из печи непропеченными, чтобы потом их заново употребили охотники за сенсациями и болтуны в общественной столовой. По большому счету, это превращает личную трагедию в заметку из таблоидов и опошляет важные жизненные моменты.

Француженка тоже может посплетничать (в конце концов, она же человек), но ее культура уважает личную жизнь в такой степени, что это изумляет иностранцев, и поэтому проявляет сдержанность. Она более склонна заниматься своими делами. Быть благоразумной. Думать, прежде чем говорить. И так как она не нуждается в одобрении других, чтобы существовать, часто кажется, что ей абсолютно все равно, что вы о ней думаете. На самом деле это не так.

«Сочетая свою свободу взглядов с чувственностью, они получают ощущение, которое называют «Le plaisir». Это нечто гораздо более определенное и запоминающееся, чем то, что имеем в виду мы, когда говорим об удовольствии. «Le plaisir» означает откровенно дозволенное, свободное наслаждение чувств, абсолютное удовольствие от сорванного с дерева золотого плода».

ЭДИТ УОРТОН

Книга

«ФРАНЦУЗСКИЕ ОБЫЧАИ И ИХ ЗНАЧЕНИЕ»

Эдит Уортон

Не секрет, что Эдит Уортон питала огромную страсть ко всему французскому. Она прожила во Франции несколько лет и имела возможность непосредственно соприкоснуться с французской культурой. Несмотря на некоторые устаревшие замечания, это малоизвестное собрание эссе – настоящее сокровище, проливающее свет на французов – и особенно на француженок, – которое мог создать только такой тонкий наблюдатель и проницательный литератор, как Эдит Уортон.

Французскую девочку учат быть вежливой, но при этом не обязательно хорошей. Ей повезло: наш англосаксонский императив непременно нравится (и *быть* как все) – не главный в ее списке. Ее культура прославляет бунтарей, нонконформистов, художников и независимых мыслителей – благодаря этому для нее более естественно говорить «нет» господствующему давлению извне. Она способна на каждом уровне провести черту между тем, кем она является, а кем – нет, и поэтому без колебаний может решить, что ей подходит, касается это новой юбки или мужчины. Также ей легче не поддаваться на желание всем нравиться, и она больше ценит время, которое проводит наедине с собой – с книгой, бокалом вина, отфильтровывая людей, которые неинтересны.

Эта способность сказать «нет» любезно и с достоинством укрепляет ее природное благоразумие. То, что она в итоге впускает в свою жизнь, в большей степени является отражением ее самой – и, по умолчанию, подлинным. Даже в ее порывах есть определенная цель, и она не склонна присоединяться к любому повальному увлечению. Как художник, который достаточно хорошо знает правила, чтобы их нарушить (и создать шедевр), француженка понимает условности и может лавировать между ними. И это означает, что в конце концов ей удастся изготовить свою жизнь на заказ, и не по чужой мерке.

«В 60-е годы, когда я росла на окраине Парижа и пыталась понять, кем хочу стать, представление о том, какой должна быть француженка, было одновременно ясным и трудноуловимым. Это было что-то такое, чего нельзя достичь, купив пару туфель или сделав новую прическу – хотя все эти вещи определенно помогали. Оно имело отношение к уверенности в своей сексуальной привлекательности и к глубокому убеждению в том, что женщина во всех отношениях отличается от мужчины. Это было сразу заметно в некоторых женщинах, и не только парижанках или женщинах со страниц журналов Marie Claire и Elle, но даже в женщинах из маленьких провинциальных французских городков... Для меня суть французской женственности – это ум, сексуальность, уверенность в себе и ранимость, последняя всегда под контролем».

КАТРИН ТЕКСЬЕ

Искусство говорить «нет»

Быть благоразумной означает никогда не извиняться за свое «нет». Это способность с достоинством сказать «нет» без угрызений совести, вины и оправданий. Это способность не говорить «да», когда в действительности вы

хотите сказать «нет» (а потом дать задний ход и сделать то, что вы на самом деле хотите, с помощью лжи во спасение и запутывания).

Француженка освоила искусство говорить «нет», отвергнув все «следует», сбивающие ее с намеченного пути и съедающие время. В том числе рекламные объявления, заманивающие ее на поле сомнений в себе, и друзей, вовлекающих в неудобные ситуации. (В первую очередь надо задуматься: а настоящие ли это друзья? Как однажды сказала Бетт Дэвис: «Да, сжигай мосты!») «Нет» («non») – одно из самых полезных слов в словаре француженки. Пользуйся моментом, иначе он наверняка воспользуется тобой.

Она не спешит

«Терпеть не могу электронные часы! – однажды воскликнула Шанталь, глядя на витрину. – Аналоговые часы гораздо человечнее, их стрелки вращаются вокруг циферблата, как Земля вокруг Солнца. А ты знала, что электронное время измеряется интервалами, равными 9 192 631 770 периодам излучения, соответствующего переходу между двумя сверхтонкими уровнями основного состояния атома цезия? – (Если честно, я не знала.) Она вздохнула и перевела миниатюрную стрелку своих аналоговых часов. – Кому нужен такой стресс?»

Из записной книжки француженки: благоразумие

Думай, прежде чем говорить. Умалчивай о некоторых вещах. Уважай тайны. Относись к своей жизни как к личной твердой валюте – и инвестируй ее с умом. Удерживайся от желания покопаться в чужом грязном белье. Учись говорить «нет», не обижая. Принимай решения, исходя из собственных соображений. Будь осторожна с советами. Принимай все решения обдуманно. Держи свой курс, но оставь немного места для сочувствия. Открой свою жизнь мудрости, лишенной условностей. Будь осторожна, когда плывешь против течения.

Представление француженки о времени связано с понятием *flâneur* – праздношатающийся человек, который идет куда-то не с конкретной целью и не к определенному часу, а позволяет неспешному течению внезапных импульсов вести его к незапланированным встречам и особым неожиданным удовольствиям. В мире француженки время – это не деньги. Время – это жизнь. Как когда-то написала Эдит Уортон, настоящая жизнь глубока и сложна, она разворачивается медленно и основывается на фундаментальных вещах. И невозможно познать эти фундаментальные вещи или ощутить истинное удовольствие от жизни, не имея достаточно времени.

Фундаментальные вещи, о которых говорит Уортон, – основа ритуала, а ритуалы по своей природе связаны с временем. Они ценят время. Они занимают время. И они существуют во времени (то есть на протяжении жизни). Мы говорим не о пышных церемониальных ритуалах (хотя их это тоже касается), а скорее о бесчисленных мелких ритуалах, наполняющих жизнь удовольствием и значением: семейный ужин, час не нарушаемого ничем одиночества, возвращение домой, ежемесячная встреча в тесном кругу друзей.

Каждый маленький ритуал требует времени, и нет лучшего возврата инвестиций, чем инвестиция в самого себя. Француженка понимает, что время не меняется, в отличие от нее самой. Посвящая себе достаточно времени, она может дарить его другим. И если она вкладывает время во что-то ценное и значимое, возврат ее инвестиций измеряется не деньгами или общественной пользой, но скорее ощущается в глубоком удовлетворении от радостей текущего момента.

Из записной книжки француженки: время

Не выбирай кратчайший путь. Не делай несколько дел одновременно. В данный момент времени делай что-то одно и отдавайся этому полностью. Помни, что время – не деньги, оно – твоя жизнь. Избавься от желания сделать все за один день. Оставляй время для себя. Трать свое время на то, что

относится лично к тебе и имеет смысл, потому что время в непреходящем устройстве нашего мира стремительно бежит. (Вспомни, как быстро ты росла, как быстро растут твои дети.) Для всего в твоей жизни должно быть свое место. Работа – в офисе, игра – дома. И выбрось электронные часы, заведи аналоговые.

Француженки, которых мы любим

ЖАННА МОРО

За то, что идеально сочетает в себе женственность и ум, изящество и чувственность, огонь и свет. Рок-музыкант Патти Смит однажды сказала о Моро: «Она такая сдержанная и закрытая, что могла бы устроить лесной пожар. Анна Маньяни была великолепна. Пиаф была великолепна. Но они были слишком эмоциональны. А у Жанны Моро есть мозги. Даже в том, как она двигается, чувствуется интеллект». Как точно. Если вы еще не видели фильмов с Жанной Моро, посмотрите «Любовников» Луи Малля, «Жюля и Джима» Франсуа Трюффо и «Мадмуазель» Тони Ричардсона.

Я не хочу сказать, что француженка смиренна, как монахиня. Это не так. Иногда она водит машину как сумасшедшая, готова припарковаться даже у вас на кухне, если найдет место, и влезает в середину очереди (это очень по-французски). Но что касается главного в жизни – важного и глубоко личного, – с этим она не спешит. Она не стремится сделать сегодня то, что может подождать до завтра. Время относительно: жизнь коротка, воспоминания долги. Всему свое время – без преувеличения.

Она ценит качество и подлинность

Моя подруга Фредерика воплощает в себе тот самый французский принцип преобладания качества над количеством. Она почти безупречна в одежде (в ее шкафу – только самые правильные вещи), в том, чем обладает (вещи со значением, вещи, пробуждающие воспоминания), и во всем, что населяет ее мир. Даже предметы, стоящие в углу или брошенные на пол ее загородного дома (видавшая виды мотыга и пара запачканных глиной поношенных ботинок), обладают чем-то особенным, как будто в них вдохнули душу. Меньше – и вправду может значить больше, если только оно качественное и подлинное. Она равнодушна к массовому, одноразовому, модному, фальшивому. Она знает, что слишком обширный выбор не всегда предоставляет ей больше возможностей выразить себя. Она предпочитает единственный полевой цветок собранному заранее букету. Маленькую машину – большой машине. Она неизменно покупает одно идеальное первоклассное платье, а не несколько не таких хороших, продающихся со скидкой. И она инстинктивно и с врожденным артистизмом знает, с чем его сочетать.

То, что француженка предпочитает качество количеству, напрямую связано с ее способностью говорить «нет». Нет – лишним людям, предметам или мыслям. Нет – тому, что не украшает ее мир. Качество превыше количества – это не только о материальных предметах. Кто живет в ее мире, кто питает ее разум, кому открыт вход в ее тайный сад? Француженка скорее проведет время в одиночестве, чем с людьми, которые просто заполняют собой пустоту. Как говорит Фредерика: «Лучше дайте мне Пруста или хороший рассказ вместо этой пустой болтовни».

Как ходить по магазинам по-французски

С Фредерикой невозможно ходить по магазинам в американском стиле, потому что мгновенное наслаждение – совсем не часть ее «гештальта». А также кредитные карты. Если она не может себе что-то позволить, она это не покупает. Если ей не подходит одежда (не дает ощущения удобства, не подчеркивает достоинства), она не станет ее надевать. Если она не может что-то отыскать, она не пойдет на компромисс. Если ей нравится какая-то вещь, она ни за что ее не выбросит. Она будет использовать ее снова, переделает, даст состариться.

Как и на Фредерику, на Анну влияют географические обстоятельства. «В основном я хожу по магазинам в центре Парижа, – говорит она, – рядом с работой или квартирой. Я ненавижу огромные торговые центры, и у меня нет машины: я делаю покупки на ходу, что ограничивает их количество, ведь мне самой приходится нести эти сумки! Если я иду на деловую встречу, то могу наткнуться на пару новых туфель, или прекрасное серебряное кольцо, или старинную хрустальную чашу. Париж полон редчайших возможностей, и чтобы увидеть их, вам нужно по-настоящему *жить* в городе, а не мчаться из одного места в другое».

Когда француженка идет за покупками, она не просто покупает что-то новое. Это часть непрерывного процесса редактирования своего окружения, добавления небольших, но значимых деталей или приспособлений к ее дому, платяному шкафу, жизни.

«Красота, обращенная к взорам, очаровывает лишь на мгновение; то, что видят наши глаза, – не всегда то, что видит душа».

ЖОРЖ САНД

Когда вы ходите по магазинам как француженка, вы покупаете только одну вещь, стараясь, чтобы она была самого лучшего качества, какое вы можете себе позволить. Вы знаете, чего хотите и где это найти (а если не знаете, учитеесь: у вас должна быть записная книжка с детальным списком магазинов – где купить эти вельветовые брюки, это озорное летнее платье, эти невероятные туфли или венский цилиндр. Как попасть на проходящую два раза в год закрытую распродажу, как заключить сделку своей жизни на обходящихся без вывесок товарных складах в лофтах – там, где страсть француженки граничит с безумием). Вы дополняете вещи акцентами, одновременно оригинальными и всегда актуальными. Малиновые льняные салфетки или винтажный фарфор будет отлично сочетаться со старой, цвета слоновой кости, скатертью вашей бабушки. Характерные винтажные часы или озорной шарф придадут новый оттенок привычному образу. Итальянскую кожаную папку или сумку из Южной Америки можно взять на деловую встречу. Вы инвестируете в подлинные качественные вещи, которые проживут долго, и сосредотачиваете внимание на том, что

вам просто необходимо. А если наконец *находите* ту самую вещь, которая создана словно специально для вас, вы подскакиваете от восторга. «У меня есть любимый антикварный магазин на улице Оберкампф, – говорит Анна. – Я каждый день заглядываю в его витрину, только одним глазком, и если мне что-то нравится, я тут же это покупаю, иначе упущу и буду потом всю жизнь жалеть!»

Даже если вы чувствительны к ветрам перемен, вы не должны становиться жертвой капризов и уговоров рекламы и чьих-то причуд. Это не так важно, как вы сами – ваша страсть и личный стиль.

Она создает свою историю

Однажды на улице я столкнулась со своей подругой Элен: она на высоких каблуках шла в марше протеста в защиту социального медицинского обслуживания. «Неудобно, но необходимо!» – кричала она, приветствуя меня по дороге к метро и размахивая написанным от руки плакатом.

Внутренняя сила и самообладание француженки заточены историей: не только ее личной историей со взлетами и падениями и личной географией, но также коллективной историей ее культуры. Прежде всего за порогом ее дома – двухтысячелетняя история, и почти по каждой булыжной мостовой ее города в годы кровавой революции против надменной знати буквально катились отрубленные головы. Такие ценности, как память и политическая сознательность, воспитываются с юного возраста, и француженка берет их с собой во взрослую жизнь.

Изысканно и просто

Француженка понимает, что роскошь – это не гламур. Это красота в повседневной жизни. Это великая сила мелочей. У Пруста были его «мадленки». У Коlette – ее ручки. У нее также было еще великое множество других аксессуаров для письма, которые она любовно описывает:

«Блокнот с чистейшей промокательной бумагой; линейка из черного дерева; один, два, четыре, шесть карандашей, все разных цветов и заточены перочинным ножом; ручки со средними и тонкими перьями, ручки с очень широкими перьями, перья для рисования не толще пера черного дрозда; сургуч – красный, зеленый и фиолетовый; бумажная салфетка, банка жидкого клея, не говоря уже о прозрачных, янтарного цвета пластинках сухого клея; маленькие кусочки старой плащ-палатки с зазубренными краями, используемые для вытирания перьев; большая чернильница и пристроившаяся рядом с ней маленькая чернильница, обе из бронзы, и покрытая лаком чаша с золотым порошком для просушки чернил; еще одна чаша для сургучных печатей (белые я любила пожевать); и справа, и слева от стола: стопки бумаги – верже, линованной, с водяными знаками».

Француженки, которых мы любим

СИМОНА ДЕ БОВУАР

За то, что просветила нас своей книгой «Второй пол» и предоставила Жану Полю Сартру полную свободу за его деньги. Философ, романист, эссеист – Симона де Бовуар считается одной из самых интересных и значительных женщин XX века. В своих мемуарах она предстает независимой, самостоятельной дамой, которая делала сознательный (как экзистенциалист!) выбор в любви и работе, в направлениях интеллектуальных и писательских, а также в жизни, основанной на жестокой честности и полной свободе. Она была безоговорочно предана Сартру, который, по всеобщему мнению, не был подарком в роли спутника жизни, и даже распорядилась похоронить себя с ним в одной могиле. Мы любим такую любовь и любим пылкий индивидуализм этой женщины. Разумеется, прочтите «Второй пол», а также первый роман Симоны де Бовуар «Гостья» – рассказ об одном из ранних романов Сартра в литературном изложении. В нем у главных героев, прототипами которых являются Бовуар и Сартр, есть девиз: «Ты и я – просто одно целое. Ни одного из нас невозможно описать без другого».

Итак, француженка – политическое животное, в лучшем смысле этого словосочетания. Она помнит свою историю и ценит с трудом добытые привилегии, и она намерена их сохранить: свои права, права своих детей, права человека... У француженки есть свои убеждения и собственное мнение, и она открыто выражает их на улице, в туфлях на высоких каблуках и все такое. Вот что говорит Элен: «Самая немодная вещь – это равнодушие к политике».

Fin – Заключение

По иронии судьбы, Натали, эта сложная и умная женщина, на протяжении нескольких лет учила меня видеть правду за некоторыми общими фразами. Например, красота – это то, что внутри. Думай, прежде чем говорить. Не будь слишком откровенна. Будь честна с самой собой.

Часто я замечала, что Натали не придает никакого значения образам из модных журналов («Все это сказки!» – смеялась она, сама при этом выглядя как Белоснежка), жадно читает, позволяет себе посреди какого-нибудь мероприятия немного вздремнуть, «потому что мне это необходимо», и в течение трех дней носит одни и те же три вещи с таким шиком и в таких потрясающих сочетаниях. Я видела, как она ест – с каким-то чувственным невинным удовольствием, отказывается носить часы и страстно рассуждает о политике или просто об одиночестве. Я восторгалась тем, как она контролирует себя, когда пьет (а она может выпить очень много), ее способностью сделать великолепный киш из полчашки муки и одного яйца, и тем, что она говорит на латыни («Это же так красиво!»). Было бы неверно сказать, что Натали крайне сдержанна: она живет своенравно, но разумно, и как-то раз, даже не осознавая этого, она суммировала всю свою французскую суть в одной фразе: «Если ты будешь верна себе, то никогда не свернешь с дороги, даже если эта дорога уведет тебя с проторенного пути в те места, которые ты и вообразить себе не могла».

Глава вторая

Тело

Когда я впервые оказалась на Ривьере, в столице континентальной отпускной пляжной культуры, моя французская подруга Франсин совершенно импульсивно сделала то, что и все местные: скинула с себя верх бикини (а чего еще я могла от нее ждать?) и растянулась на ослепительном галечном пляже, салютуя солнцу своими грудями. У меня же в то время даже не было бикини – только практичный цельный купальник и немного громоздкого американского багажа. Пока моя французская топлес-подруга наслаждалась, не замечая выта-

радивших на нее глаза англосаксонских туристов, я с завистью и восхищением задавалась вопросом: как ей удастся с такой естественной простотой дать себе волю?

Ну, если бы мы все выглядели, как эта француженка, мы были бы такими же свободными, верно? Типичная француженка часто бывает вызывающе худа, непринужденно элегантна и модна, несмотря на простой гардероб. С макияжем или без, она всегда собрана и абсолютно уверена в себе, излучает природное изящество и легкую сдержанность, что особенно, безумно по-французски.

Но этот стереотип скрывает прелестные парадоксы, связанные с француженкой и ее телом. Да, у нее *действительно* есть раздражающая нас склонность к худобе. Тонны бумаги извели те, кто пытался раскрыть тайну этого народа, курящего, пьющего, употребляющего жирную гусиную печень и при этом всегда блистающего. (Намек: диеты тут совсем ни при чем.) И да, Франция *действительно* вынуждает быть худыми, что объясняет, почему с размером больше двенадцатого у вас почти нет шансов найти себе одежду во французских бутиках. Но на самом деле француженки бывают самыми разными, и какими бы ни были их фигуры, они всегда выглядят замечательно и откровенно сексуально.

Фильм

«СЛИШКОМ КРАСИВАЯ ДЛЯ ТЕБЯ»

Этот фильм могли снять только французы. Бернар (Жерар Депардьё), женатый на женщине, которая максимально олицетворяет собой французскую красоту (ее играет модель Кароль Буке), страстно влюбляется в свою секретаршу Колетт. Она – совершенная противоположность жены Бернара: заурядная, немного нелепая и полненькая. Но Бернара привлекает в Колетт что-то очень настоящее. Колетт произносит с уверенной гордостью: «Я знаю, что некрасива, но я всегда чувствовала себя свободной: в своем теле, в своих мыслях. Я женщина, которая чувствует себя живой».

Француженка понимает, что сексуальность – это состояние ума. Ее взаимоотношения с едой и собственным телом чувственны, а не деспотичны, и она получает удовольствие и от одного, и от другого. (Что объясняет, почему француженки чаще думают о еде и сексе,

а англосаксонские девушки о работе и деньгах.) Она руководствуется одной универсальной истиной, которую моя пышная и соблазнительная подруга Надин формулирует так: «Мужчины любят плоть. У них это на уровне инстинкта. Француженки об этом знают и соглашались на более округлый животик или ягодицы. Мы здесь не тренируемся, как сумасшедшие, мы наслаждаемся жизнью, как она есть».

В отличие от своих американских *cousines*, француженка не прячется под скрывающей бедра туникой. Она демонстрирует то, чем обладает: бедра, животик и все остальное. А если даже ей некомфортно в своем теле, скорее всего, она не будет садиться на драконовскую диету и сообщать всему миру о количестве потребляемых ею калорий и сброшенных килограммов. Она спокойно внесет поправки в свой рацион и будет работать над телом без лишнего шума. И хотя ее мир *действительно обязывает* ее быть в форме (тучность – один из первых пунктов в списке того, что ненавидят французы, вместе с налогами и прочими признаками непозволительного излишества), вес – это личное дело каждого, это ее личное дело и не тема для разговоров. Вот почему вы скорее услышите, как француженки обсуждают философские обоснования нового артхаусного фильма, а не сравнивают достоинства зональной диеты и диеты Аткинса.

Воспитание сексуальности

Только после рождения во Франции моего первого ребенка я начала осознавать почти неуловимые, всепроникающие влияния, которые оказывают воздействие на образ мыслей француженки. Например, то, что ее восприятие собственного тела не лепится и не обжигается в печах пуританизма (она же принадлежит к латинской культуре, помните об этом?). Или то, что она растет без единственного общепринятого стандарта красоты. Или то, что в ее стране Барби никогда не была королевой красоты.

Француженка растет в культуре почти восторженного восприятия человеческого тела – не только в стенах музеев, но и в повседневной жизни, везде, во всем многообразии мелких деталей – и на вполне прозаическом отношении к телу, формирующем ее представление о себе в самых главных аспектах. Она растет, играя с анатомически точными куклами. (Даже с анатомически точными куклами-мальчиками. Точная копия реальности! Почему бы и нет?) В некоторых французских общественных бассейнах общие раздевалки, и это никого не побуждает к публичной демонстрации наготы, лишь вызывает невозмутимое любопытство или безразличие. А тактильный физический контакт – это часть французского повседневного опыта на самом базовом уровне: привычные французские приветствия – это, конечно же, краткое мгновение физической близости в форме двух или иногда четырех поцелуев. (Что касается поцелуев: первоклассник Жан Мишель может поцеловать в губы свою одноклассницу Клодетту, и за это его не отчислят из школы. «Для детей это вполне естественно, – объясняет директор школы, в которой учится наш сын. – Если запрещать им делать то, что естественно, они займутся этим позже, но каким-нибудь неестественным, извращенным способом».)

Француженки, которых мы любим

МАРИАННА

За то, что стала бесстрашным, полуобнаженным символом Французской Республики. Ее неизменно изображают на всем – от национальной валюты до школьных учебников – с патриотически открытой грудью. Самое известное изображение Марианны – на картине Делакруа «Свобода, ведущая народ», и уже много лет знаменитые француженки, включая Брижит Бардо и Катрин Денев, представляют ее в этом образе. Недавно во Франции проголосовали за то, чтобы Марианну представляла

топ-модель Летиция Каста, потому что (по словам французского мэра) «она очевидно обладает самым прекрасным бюстом». Каста, которая однажды заявила, что ее грудь была возвращена на сливочном масле и сметане, с волнением согласилась представлять этот бесценный национальный символ. «Воплощать собой Францию, свободу и определенное представление о том, какой должна быть женщина, – это чертовски большая ответственность», – сказала она. (Кроме шуток!)

«Они (французы) удивляются нашему страху собственного тела, и привыкли открыто и не конфузясь рассказывать анекдоты, над которыми англосаксы похихикали бы тайком и с извинениями».

ЭДИТ УОРТОН

Голая правда

Французской культуре присуще всеобщее индифферентное отношение к наготы. Возьмем, к примеру, мой первый визит к французскому гинекологу. Офис моего гинеколога располагался в пышном особняке XVIII века в самом сердце квартала Марэ (таково особое очарование жизни во Франции). Врач – приятная, подтянутая женщина – пригласила меня присесть и после нескольких минут разговора попросила раздеться и лечь на стол. «На стол?» – переспросила я. «Oui, – ответила она, указывая на стол для осмотра пациентов в дальнем углу ее кабинета, который я вначале не заметила. – La table».

Француженки, которых мы любим

ЖОЗЕФИНА БЕЙКЕР

За ее необузданную сексуальность – артистки и женщины. Она прославилась тем, что танцевала на парижской сцене в одной лишь юбочке из перьев или бананов. Она была одной из самых часто фотографируемых, обсуждаемых и обожаемых женщин в мире. Американка по рождению и француженка в душе, она поняла, что Франция – единственное место, где она может проявить свою суть индивидуалистки. Она любила Францию, и Франция отвечала ей взаимностью. Послушайте «Bonsoir, My Love», посмотрите сериал «История Жозефины Бейкер» и прочтите книгу о Жозефине «Голодное сердце» Жан-Клода Бейкера и Криса Чейза.

«La table» показался мне ужасно аскетичным. Где отдельная раздевалка? Где крючок, на который можно повесить мою одежду? Где одноразовая сорочка, чтобы прикрыть тело? Где замусоленные старые номера журналов Good Housekeeping и Self, которые я могла бы полистать, чтобы изгнать из мыслей тот факт, что скоро я улягусь без одежды и безжалостно подвергнусь неминуемым пинкам, толчкам и ощупываниям своего le docteur? «Вы имеете в виду, что я должна раздеться прямо здесь, прямо сейчас, в этой комнате?» – спросила я. «Да, мадам, – ответила врач. – Что-то не так?» (Мне хотелось спросить ее, с чего начать.)

Именно это простое отношение к телу, свободное от самокопания, с радостью принимающее капризы природы и избавленное от лишних фантазий, с самого начала дает француженке возможность спокойнее воспринимать свое тело. То же можно сказать и о свойственном французской культуре пристрастии к чувственности во всех ее формах, и о здоровом ощущении француженкой того, что она – хозяйка своего тела, каковы бы ни были его формы.

И это формирует в женщинах то, что мы, англосаксы, воспринимаем как странный парадокс: француженка может регулярно делать эпиляцию волос на ногах, но оставить волосы под мышками. (Надин говорит так: «Ноги на всеобщем обозрении, подмышки никто не видит, а мужчины любят и то и другое, с волосами или без».) И она будет гордо вышагивать без одежды, потому что ее разум свободен, а значит – логически, очевидно, по всем практическим французским стандартам, – ее тело тоже свободно.

И если вспомнить, как много американок недовольны своими телами (и их число ежегодно растет), то над этим стоит поразмыслить.

«Как только вы заметите первую морщинку или первый седой волос, можете вздохнуть с облегчением. Вы уже почти стали тем, кем всегда хотели быть».

ВЕРОНИК ВЬЕНН

Фильм

«8 ЖЕНЩИН»

Этот фильм никогда не назовут классикой французского кино; он – странная смесь мюзикла, детектива и фарса. Но кроме того, это

энциклопедия современных французских актрис, демонстрация изящества и стиля нескольких совершенно изумительных француженок. Катрин Денев, Изабель Юппер, Фанни Ардан, Даниэль Дарье, Виржини Ледуайен, Эммануэль Беар. Эти актрисы – классические *femmes fatales*², и стиль каждой из этих женщин разных возрастов и разных периодов жизни – уже сам по себе урок.

Французский журналист Кристоф – мужчина с богатым опытом любовных приключений по обе стороны Атлантики – резюмировал это так: «Француженки чувствуют себя без одежды гораздо комфортнее, чем американки. Даже если они физически несовершенно. Я знал американок, неистовых в постели, но когда все заканчивалось, они набрасывали на себя футболку или халат и шли в ванную. Француженки так не делают. Они просто встают, абсолютно голые, и идут».

Вам это знакомо? Призрак пуританизма, должно быть, оставил след своих когтей на теле американки. Но не только он, а еще и наша одержимость сексом. В результате перед нами сложнейшая задача: как быть одновременно добропорядочной матерью семейства и соблазнительной моделью *Victoria's Secret*? И на вершине этих культурных противоречий – недостижимые стандарты красоты супермоделей, из-за которых американка всю жизнь борется со своим весом и собственным телом.

Я не хочу сказать, что француженок не волнует их вес (наоборот) или что они не применяют секс, чтобы продать что угодно (французская реклама тому доказательство). Но они принадлежат латинской культуре, и они чувственны, они принимают женственные формы во всем их разнообразии. Француженка может быть худой, как щепка, или пышной, как Венера. У нее могут быть полные широкие бедра. Это не имеет никакого значения. Когда американка прячется с помощью одежды и чувствует себя без нее совершенно незащищенной, француженка выставляет напоказ свои формы и как в одежде, так и без нее остается тем же самым человеком.

Из записной книжки француженки: о любви к телу

Избавься от книг о диетах. Лучше узнай свое тело. Трать время на себя. Ходи обнаженной. Спи обнаженной. Танцуй обнаженной. Ухаживай за кожей. Не носи нижнее белье. Люби свое тело, и тогда твои дети, когда вырастут, будут любить свое. Будь реалисткой. Следи за своим телом: если видишь изменения, с простотой и упорством поменяй свой рацион питания. Отдыхай и наслаждайся.

² Роковые красотки (*фр*).

О спорте

Привычное американское представление о занятиях спортом: тренированные тела, спортивная одежда и снаряды, кровь, приливающая к лицу, пот и слезы на беговой дорожке – всего этого нет в мире француженки. (Все, что требует слишком больших усилий и приносит слишком мало удовольствия, в глазах француженки кажется подозрительным.) В последние годы спорт считается стильным: облагороженные модели американских кроссовок и мода на здоровый образ жизни – все это сделало занятия спортом более приемлемыми и для французов и вдохновило довольно умеренный процент парижан выйти на улицы со спортивными сумками.

Конечно, отношение к спорту во Франции не имеет ничего общего с его священным статусом в других странах, и обязанности выглядеть как женщина-троеборец здесь просто не существует. «Почему женщины хотят, чтобы у них были мускулы как у мужчины, и живот как стиральная доска?» – однажды спросила меня Коринна, с легкостью вышагивая по улице Риволи. Мы шли к метро, и я пыталась вывести секрет ее собственного режима тренировок. «Я ем. Я пью. Я курю. И еще каждый день очень быстро хожу до метро и обратно на высоких каблуках, – ответила она, перекивая грохот линии метро Шато-де-Венсанн – Ля Дефанс. – Это и есть мой секрет!»

Винтажная чувственность

Из всех женщин, которые воплощают в себе квинтэссенцию француженки, лишь одну можно провозгласить королевой – Катрин Денев. Не столько за ее классическую красоту и изысканное природное совершенство, сколько за то, что она стала современным воплощением сексуальной женщины в возрасте. Мы наблюдали за тем, как она старится с бескомпромиссным самообладанием, с созревающей чувственностью. С возрастом она стала не такой фарфоровой и воздушной – и гораздо более сексуальной.

Визит в салон внутренней красоты

Стиль, красота, сексуальная привлекательность: француженка понимает, что ее представление о себе – это отражение ее внутреннего мира. Если вы француженка, как вы заботитесь о своей внутренней красоте, чтобы она была видна и снаружи?

Вы во всем ищите красоту и чувственность. Когда вы во всей полноте осознаете красоту повседневности, это знание естественным образом отражается на вашем лице и в поведении.

Вы питаете свой ум. Вы читаете. Вы творите. Вы формируете собственное мнение.

Вы сопереживаете. Это означает, что вы глубоко чувствуете и сочувствуете – и в награду расцветает истинно гуманистическая часть вашей натуры.

Вы не даете гневу или тревоге завладеть вами. Вы не спешите. Вы не стремитесь угодить всем (не оставляя ничего для себя). Вы изгоняете неприятные чувства, чтобы они не поселились навсегда на вашем лице.

Вы отважны. Вы расширяете границы своего опыта и не даете угаснуть в своей душе страсти к неизведанному.

Вы дремлете. Потому что краткий сон – более приятный, чем глубокий, и явное удовольствие от него всегда будет хорошо на вас отражаться.

Есть и тысячи других примеров столь же сексуальных пожилых француженок. Все они абсолютно сдержанные и стильные. Они не ищут источник молодости, наоборот – со страстной независимостью они демонстрируют накопленную за долгие годы мудрость. Они закалывают свои седые волосы в элегантный пучок или делают модную короткую стрижку. Когда вы встретите одну из них на улице Франк-Буржуа или увидите за чашкой эспрессо в местном кафе, вы неизменно подумаете: «Пожалуйста, пусть я стану такой, когда состарюсь».

Француженка идет по жизни как взрослая, и когда она действительно достигает определенного возраста, она подходит к вершине житейской мудрости. У нее есть секреты. У нее есть, чему научить других. Кстати, она попадает сюда не тогда, когда еще молода и полна надежд, а лишь набравшись жизненного опыта. И этот жизненный опыт дает ей силы от всей души насладиться тайными неблагоразумными поступками, с которыми у нас так часто ассоциируются француженки. «Мы меньше боимся стареть, – говорит Фредерика. – Не знаю почему. Француженка тоже делает подтяжки и все такое, но по своей сути она меньше боится постареть и проще принимает свой возраст. Я не могу сказать почему. Просто это так».

La liberté – Свобода

Разумеется, такая личная свобода отчасти дарит француженке ее удивительный характер и выразительную красоту. У нее нет сомнений по поводу собственного тела, и она свободна от необходимости подчиняться модным тенденциям.

Фильм

«ЕЕ ЗВАЛИ НИКИТА»

Посмотрите этот стильный триллер о преображении француженки. Анн Парийо играет ни во что не верящую бродяжку, которую заставляют стать правительственным секретным агентом, но вначале она должна стать леди. Жанна Моро играет искушенную наставницу, которая превращает La femme Nikita в настоящую femme.

Своеобразие *à la française* заключается и в персональном стиле, и в определенном складе ума. Благодаря латинской чувственности она делает ставку на свою женственность, чем отличается от других современных женщин: это влияет на ее врожденное чувство стиля и наставляет на путь заботы о себе, который начинается еще в очень юном возрасте с трепетного отношения к своей коже.

Кожа и святая святых

Кажется, у француженок самое строгое и самое практичное отношение к собственной коже. Самое строгое – потому что они растут в окружении самых эксклюзивных, самых высококачественных в мире средств по уходу. Самое практичное – потому что они растут, ухаживая за кожей упорно и систематически: очищая, увлажняя, нанося пилинг и скраб с почтительной заботой. Почти на каждом углу Парижа найдется какой-нибудь Institut de Beauté, и в любой день вы встретите там француженку за ее регулярной *soin* (процедурой по уходу за лицом или телом). «Вы же регулярно ходите к дантисту, – объясняет Надин. – Вы делаете техосмотр своей машины. Так почему бы не делать то же самое для своей кожи и тела? Это не роскошь. Это текущий ремонт».

Ее туалетный столик

Красота для француженки начинается с ухоженной кожи, и поэтому она начнет с лучшего, что может себе позволить, – и всегда будет искать простоту и высокое качество. Sisley, Lancôme, Yon Ka. Для тех, кому важно оставаться в рамках бюджета, – профессиональная линия L’Oreal. У француженки есть дневной крем, крем для глаз и ночной увлажняющий. Мягкое очищающее средство и тоник для лица. Щетка для волос из натуральной щетины. Одна-две дорогие губные помады (ярко-красная и замечательного нейтрального оттенка – светло-коричневая или розово-персиковая). Легкая пудра и тени, первоклассная тушь для ресниц и подводка для глаз. Лак для ногтей самого светлого розового или бежевого оттенка и, возможно, ярко-красный для особых случаев. Что касается духов, у нее есть пара знаковых ароматов – один для холодного времени года, другой – для теплого. Для весны и лета, возможно, Chanel Cristalle или Eau d’Hadrien Annick Goutal, для осени и зимы – Coco (Chanel). Поскольку француженка крайне лояльно относится к брендам, она годами может пользоваться набором однажды выбранных средств.

И снова на стороне француженки ее история: уберите из линейки продуктов красоты звездные французские имена, и большинство полок в косметических магазинах опустеют. Француженка растет, получая физическое и эмоциональное удовольствие от свободного, превращенного в ритуал ухода за телом, и ее здоровье и красота – неотъемлемая часть французской культуры.

Француженка почти генетически предрасположена следить за собой. И потому, что она привыкла делать больше с меньшими затратами, она научилась превращать свою ванную комнату (которая, возможно, размером не больше вашей кухонной кладовки) в священное место. Ее ванная – не просто банальное место для мытья; она – выражение ее личных эстетических вкусов. Коллекция старинных флаконов от духов может соседствовать с нарядными корзиночками и блестящими тюбиками губной помады. Там будут японские кисточки для пудры и изысканное мыло. Она может выкрасить стены своей ванной комнаты золотой краской с кобальтово-голубой отделкой. Это личный оазис, миниатюрный храм, где она снова обретает жизненные силы. Она отдается процессу ухода за собой со страстью, граничащей с религиозностью. И ничто не должно ей мешать. Никаких телефонов. Никаких уважительных причин.

Из записной книжки француженки: уход за телом

Инвестируй в уход за своим телом. Собери свой личный набор любимых продуктов по уходу за телом и регулярно, раз в неделю, полностью расслабившись, посвящай ему хотя бы час. Уделяй внимание каждой части своего тела, особенно рукам и ступням. Питай кожу. Пей воду. Больше спи. Делай массаж. Глубоко дыши. Насыщай тело и душу кислородом. Благодарю свое тело за его жизненную силу. Помни, чтобы излучать чувственность, ты должна по-человечески относиться к своему телу.

Макияж и духи

Француженки на протяжении многих веков щедро и неумеренно пудрились и красились, но сейчас отличительной чертой макияжа француженки является практически полное его отсутствие. Она предпочитает естественность. Она неизменно выбирает качество, а не количество, и если это работает, она не вмешивается. Она использует макияж, чтобы легким движением скрыть несовершенства (шелковистая прозрачная основа, легкая пудра), но не для того, чтобы скрыть свое лицо и нарисовать совершенно новое. И никаких накладных ногтей или слишком тщательно уложенных волос. Она изысканна, но естественна – так естественна, что, если ей вдруг придется неожиданно выбежать из дома без макияжа, она не будет чувствовать себя голой.

Ароматы: краткая история французских духов

Секрет духов

Секрет нанесения духов состоит в нанесении их в укромных местах. Забудьте о запястьях и попробуйте нанести духи на мочки ушей, между пальцами ног или под колени. Сбрызните эфирным маслом белье и ночную сорочку. Обращайте внимание на настроение аромата: citrusовые подходят для утра, мускус и другие тяжелые ноты – для вечера. Носите с собой в сумочке носовой платок, надушенный любимыми духами.

Каждая древняя культура в той или иной форме использовала ароматы, но французы довели это дело до крайности – и придумали термин «ароматерапия». Французские короли и королевы весьма экстравагантным образом доставляли удовольствие своим органам обоняния: Карл VIII боготворил духи. Диана де Пуатье дополняла свою юную внешность обильным количеством ароматов и туалетной водой по секретному рецепту. Катерина де Медичи носила надушенные перчатки и изготовленные на заказ ювелирные украшения, в которых хранился ароматный яд. Ее соотечественники умащали ароматами все – от собак и попугаев до мебели, лент, волос, вееров и масок. Они выращивали бескрайние поля цветов, пытаясь овладеть эфемерной, но пьянящей силой аромата.

Позднее, когда духи перестали быть исключительной привилегией знати и стали доступны массам, Жан Пату решил изобрести аромат, способный победить цинизм его времени. В 1930 году он представил миру духи Joy, ставшие одним из самых успешных и дорогих ароматов во всем мире. Все остальное, конечно, история.

О волосах

Француженки уже много столетий помешаны на своих волосах. Они экспериментируют с эксцентричными пышными прическами, скручивают косы, выбивают пряди, используют ободки с зазубринами, шпильки, деревянные катушки, луковую шелуху, дубовую кору, напудренные парики, пыльные шиньоны, кружевные чепчики, перья, бусы, кольца, броши, позолоченные сеточки и розочки. В XVIII веке женщины при дворе проводили долгие часы, делая прическу с помощью трехфутового проволочного каркаса и подушечек из конского волоса и украшая ее замысловатыми зверинцами, которые громоздились на их голове, как свадебный торт. (В 1769 году бывший булочник и придворный парикмахер Легро де Руминьи немного привел в порядок это безумие, открыв первую академию парикмахерского мастерства – Academie de la Coiffure.)

Возможно, эти безумства прошлого лежат в основе нынешнего пристрастия к естественности. Даже француженки, проводящие по несколько часов в неделю в парикмахерской, выглядят просто, их волосы немного взъерошены или коротко острижены. «Американки меняют прическу чаще, чем француженки; идут на бóльшие крайности со своими волосами и больше готовы рискнуть, – говорит Арно, дизайнер причесок и владелец очень модного парижского салона Headscape в квартале Марэ,

работавший с женщинами по обе стороны Атлантики. – Француженка более консервативна. Она стремится найти подходящий ей образ и затем поддерживает его».

Первой француженкой, боготворившей духи, которую я встретила, была тетя одной моей хорошей подруги. Она жила совсем рядом на нашей улице. Я тогда была маленькой, впечатлительной и очень американской семилетней девочкой, и все в этой женщине казалось мне необычным. Даже в ее машине было что-то сексуальное (это был низкий спортивный Citroen).

Эта женщина никогда не пекла печенье с шоколадной крошкой (вместо этого она готовила суфле) и не делала сэндвичей с арахисовым маслом и яблочным джемом («Арахисовое – что?» – как-то спросила она). Она убирала волосы в большой сложный пучок, и казалось, что едва подует ветер, и он распадется на груды пышных кудрей (но этого ни разу не случилось). Она ужинала в ресторане с красными бархатными шторами под названием «Робертс» (она произносила «Ро-БЕР»). Она ходила и на футбольный стадион, и в продуктовый магазин в фантастических изящных туфлях на высоком каблуке (невероятно женственных в глазах семилетней девочки). И она всегда душилась Shalimar, и эти духи следовали за ней ароматным облаком пьянящей амбры, смолы и сладких нот мускуса.

Все это – но особенно Shalimar – сформировало в моем юном уме ощущение аромата француженки. Должно быть, все француженки любят духи, решила я тогда, и для большинства из них это на самом деле так – хотя они необязательно при этом разгуливают по рядам продуктового магазина на каблуках. А что касается самого аромата, они, скорее всего, последуют совету Мэрилин Монро. Когда ее спросили однажды, что она надевает перед сном, она ответила: «Каплю Chanel № 5».

Образ

Одно из любимых выражений французов: «On est individualiste!» («Мы – индивидуалисты!») Они часто используют его, чтобы оправдать свою легендарную непримиримость. Но наиболее явно «индивидуализм» француженки проявляется в том, как она одевается. Личный стиль француженки основан на дерзком ощущении индивидуальности и верном ощущении самой себя.

Своему чувству стиля она учится у подруг, матери, окружающих ее женщин и культуры в целом. Тот же поиск самобытности, что объединил мастера высокой моды Жана Поля Готье с дисконтом Tati, характеризует неподражаемую французскую изобретательность – увидеть в повседневном вспышку чего-то экстраординарного; трансформировать обычное в необычное.

Француженки, которых мы любим

ОДРИ ТОТУ

За неотразимую улыбку, играющую в уголках ее губ, за образ винтажной француженки, за образ абсолютно современной француженки, за характерные остриженные кудряшки и за то, что снова ввела в моду балетки. Конечно же, посмотрите «Амели», а также «Салон красоты «Венера» и «Взмах крыльев мотылька», легкие романтические комедии.

«Мы, французы, не самые привлекательные люди на земле, если хорошенько подумать, – говорит Фредерика. – Но мы, возможно, больше всех помешаны на эстетике. Мы знаем, как сделать свой образ интересным, другим. Мы знаем, как получить максимум из того, что имеем. Мы вдохновляемся брендами и модными журналами и искренне любим все итальянское: одежду, изделия из кожи, мебель, – но смысл в том, чтобы не копировать, а использовать их как отправную точку, как источник идей, который поможет нам создать свой уникальный, индивидуальный образ».

Для француженки одежда – это язык, ее личный диалект. Она не одевается, следуя тенденциям; она одевается, подчеркивая свои сильные стороны, и использует тренд (если он ей интересен), просто чтобы дополнить эти сильные стороны.

Что касается персонального стиля француженки, в первую очередь его нужно искать в ее платяном шкафу. Мы, американки, растем в домах, где гардеробы размером со среднюю парижскую спальню. У нас есть гардеробные комнаты, гардеробы, сделанные на заказ,

встроенные шкафы. У французов вы ничего подобного не найдете. Чтобы компенсировать это вопиющее неудобство, они используют свои внушительные шкафы, и ощущение ограниченного пространства способствовало формированию отношения француженки к своей одежде.

Идеальное черное платье

Француженка знает, что, пока не умрет, наденет это платье тысячу раз – и каждый раз, надевая его, будет в него влюбляться. Что делает «идеальным» ее черное платье?

Это платье любит только ее. С какой бы стороны она ни взглянула на себя в зеркало, платье подчеркивает все лучшее, что в ней есть. Идеальное черное платье одной женщины не похоже на идеальное черное платье другой женщины, и в этом есть какое-то волшебство.

Это платье играет множество ролей. Она может надеть его с шелковыми чулками и изящными украшениями на деловой прием. С элегантным жакетом – на важную встречу. С кожаными сандалиями – на коктейльную вечеринку. А с жемчужным ожерельем и шляпкой – на похороны. И это лишь несколько из множества примеров, куда можно надеть черное платье.

Как все истинно французское, идеальное черное платье очень сдержанно. Оно не раскрывает слишком многого; оно – лишь красивая рамка для ее портрета; оно не выдаст ни одного из ее секретов. Поэтому оно не может быть слишком коротким или слишком открытым, чересчур авангардным или, наоборот, консервативным, излишне деловым или простым. И невозможно угадать, сколько вы за него заплатили – очень много или очень мало.

Тогда как мы, американки, тоннами закупаем по бросовой цене вещи на распродажах, француженки крайне избирательны. И гардероб тут ни при чем. Француженка понимает: для того, чтобы выразить свою уникальную личность, ей нужно лишь несколько высококачественных вещей и тщательно подобранных акцентов.

Вот почему французская школа моды призывает всех иметь в своем гардеробе эти несколько идеальных вещей: маленькое черное платье, белую блузку, кашемировый свитер, роскошное пальто. И смысл тут в неординарности: вещи, купленные одна за другой, постепенно составляют качественный гардероб. Шкаф всего с несколькими, но качественными вещами ценится гораздо больше, чем шкаф с вещами так себе или (боже сохрани!) однотонными комплектами. Однажды я с французской подругой отправилась в винтажный бутик и примерила блузку и юбку одного цвета. «О нет! – застыдила она меня. – Это нельзя покупать! Они слишком похожи!»

Француженка, как правило, склонна преуменьшать, а не преувеличивать. Она не спешит – даже если у нее есть лишь одна свободная минутка, она остановится и подумает не только о том, как выглядит в этой одежде, но и как она себя в ней *ощущает*. Она собирает свой гардероб предмет за предметом, всегда ориентируясь на качество (и никогда на количество), поэтому, когда она что-то надевает, она не слишком задумывается. Это часть собранного ею образа. Все вещи работают на нее и работают вместе. Она никогда с утра не откроет шкаф в панике: «Мне нечего надеть!»

А с практической точки зрения это экономит ей время и дарит постоянную – длиною в жизнь! – уверенность, что она хорошо выглядит.

Любая вещь, которую француженка наденет, будет сочетаться с другой, потому что все предметы в своем гардеробе она выбрала с присущим ей благоразумием. Вот почему она скорее три дня подряд наденет одно и то же платье, которое ей идет, чем три разные вещи, в которых ей некомфортно. Качество, качество, качество... и ни в коем случае не количество.

В самом низу

«Маленький секрет Виктории» – это основной элемент Клодетты. Для одних французское нижнее белье может быть небольшой распутной роскошью, а для других – чрезмерной роскошью. Но для француженки оно – необходимость. Она покупает его для себя, потому что хорошо себя в нем чувствует, и к тому же оно красивое.

Как и во всем остальном, она инвестирует в качество: Chantelle, La Perla, Eres. Она любит натуральное кружево, чистый хлопок, тонкий шелк – самых разных цветов, не только черного или белого. У нее почти генетическое отвращение к обрисовывающейся на одежде линии трусиков, поэтому она скорее будет носить стринги – или вообще не наденет белье, – чем допустит, чтобы сзади на ней красовались эти полумесяцы. У нее есть несколько идеальных соблазнительных бюстгалтеров (намек на декольте здесь вездесущ), один бюстгалтер без бретелек, *bien sûr*, и тонкие чулки, в том числе прозрачные черные чулки со стрелками. Также она покупает чулки на каждый день в различных дисконтах, например, в Tati («потому что чулки утекают, как вода»). У нее может быть пара вещей Petit Bateau, но чаще она покупает одежду этой марки для детей. Иногда ей может взбрести в голову приобрести себе пикантное бюстье или соблазнительный пояс для чулок. И если что-то начнет снашиваться – растянется резинка, появится стрелка, – она тут же дополнит свою коллекцию нижнего белья новым предметом. Часто она очень аккуратно и только вручную стирает свои немногочисленные предметы нижнего белья (никаких ящиков, забитых бельем «Джоки», ожидающим головной убор в стиральной машине). Ее изысканное нижнее белье, как и желание его носить, сохраняется на всю жизнь.

Француженки, которых мы любим

МАРГЕРИТ ДЮРАС

За то, что прожила удивительную жизнь и запечатлела ее в своих широко признанных сочинениях, таких, как «Песня Индии» – фильм, режиссером которого она была, завоевавший Гран-при Французской киноакадемии, «Хиросима, моя любовь» – фильм, для которого она написала сценарий, получивший номинацию на «Оскар», и «Любовник» – международный бестселлер, написанный в 1984 году, получивший Гонкуровскую премию, самую престижную французскую литературную награду. Мы любим Дюрас за ее изысканную прозу, проницательный ум и заявления вполне в духе француженки: «Пятнадцать лет я носила униформу... черный кардиган, прямую юбку, водолазку и полусапоги зимой... Униформа – это попытка примирить форму и содержание, то, как ты думаешь, что выглядишь, с тем, как бы тебе хотелось выглядеть, что ты думаешь о себе с тем, что ты хотела бы предложить. Ты находишь это соответствие, даже по-настоящему не пытаясь его искать. И как только находишь, оно становится неизменным». Прочтите ее романы «Плотина против Тихого океана» и «Любовник».

О комфорте

«Мои предпочтения в моде составляют вещи, в которых я не чешусь», – однажды заявила Джильда Рэднер, отлично резюмируя американское чувство моды. По мнению французов, из-за этого союза удобства и комфорта американцы выделяются в любой стране, в какой бы ни оказались. Как, постоянно спрашивала я, француженки могут за милою отличить американок во Франции? Это те, кто, несмотря на кроссовки, бейсболку, тяжелый рюкзак и прочие туристические принадлежности, кажутся одетыми в пижаму.

Ее гардероб мечты

Если бы деньги не имели никакого значения (и забудем про торговые центры, потому что «мы в них теряемся и в конце концов покупаем то, что нам совершенно не нужно»), что бы приобрела француженка для своего гардероба?

Классический костюм и пальто Ventillo и Cacharel, типично французские бренды, в наши дни переживающие возрождение.

Множество великолепных итальянских пуловеров из чистой шерсти и один-два кашемировых свитера. И, по возможности, без логотипов. («Это такая пошлость, – говорит Анна, – все эти логотипы и total look»). Идеально сидящие брюки и длинные юбки Joseph, все черного цвета, и пара джинсов Marithé François Girbaud.

Футболки самого лучшего качества и разного кроя и цвета, возможно, Swiss – или Gap!

Одна-две модные юбки от Scooter. Может быть, одна вещь в стиле хиппи-шик от Bisou-Bisou или простое платье agnes b.

Одна великолепная шелковая блузка и несколько простых хлопчатобумажных рубашек, желательно черных.

Две отличные шляпы и множество шарфов, один из которых – обязательно Kenzo. Эксцентричная крупная бижутерия, чтобы не скучать, может быть, одна отличная вещь из Clio Blue. А может, старый платок Hermes, еще из детства («тот самый, с лошадьми и каретами...»).

Одно очень красивое черное шерстяное пальто и один плащ, желательно не черный, чтобы поднять настроение, когда слишком часто идет дождь. Одно очень элегантное и яркое пальто Ramosport. (Более века назад эта марка начала с пошива одежды для военных. Сегодня она производит модную дизайнерскую одежду.)

Одна пара обуви Tod's или Clergerie.

Одна пара удобных туфель Prada («желательно купленных со скидкой») или Camper (один из очень немногих испанских брендов, известных во Франции), чтобы бегать по городу. И еще одна пара кроссовок DKNY («Сейчас парижанки просто с ума по ним сходят») и пара вечерних туфель Stephan Kelian («Я купила себе одну пару лет десять назад, и они никогда-никогда не выйдут из моды. Кстати, вся эта обувь должна быть черного цвета, за исключением одной пары красных туфель на каждый день и золотых DKNY»).

Сумка Longchamps или Coach, желательно также купленная на распродаже. Возможно, Hermes или Vuitton («но скорее для вдохновения, иначе это будет слишком демонстративно, к тому же они так чудовищно переоценены»). А также сумка из мягкой кожи Just Campagne.

В гардеробе француженки также обязательно найдется что-нибудь эксцентричное и кичевое, то, что она приобрела специально для особой вечеринки, например в Guerisold (дешевый, но забавный и стильный дисконт) или на блошином рынке, и что-нибудь очень-очень дорогое и модное от L'Eclaireur, купленное для какого-то особенно важного вечера. И для праздников: один сексуальный свитер, желательно черный, красивые брюки с очень женственными туфлями («...такими, в которых опаздывают на автобус, потому что в них невозможно бегать»).

Плюс коллекция единственных в своем роде винтажных вещей, на соби́рание которой понадобится очень много времени и зоркий глаз.

Что она может хранить с детства

Марокканский браслет из первой зарубежной поездки, когда она была подростком. Лиможские тарелки со сколами. Заколки для волос, которые носила в 30 лет. Обручальное кольцо Cartier с гравировкой «Рах-Амор-Лавор». Пустую бутылку из-под шампанского, которую выпила со своим первым мужчиной. Пепельницу, которую стащила из мотеля в Лас-Вегасе («для француженки это такая экзотика»), перьевую ручку своей бабушки и чернильницу, три стеганых одеяла и рисунок лошади, так и не оформленный в паспорт, который сделал ее первый бойфренд.

Королева французских гостиных Натали, которая проводит свое свободное время в дорогих парижских винтажных бутиках в поисках потрясающей шляпки из шелка ручной работы или идеальных стеганых мюлей из шкуры зебры, объясняет это так: «Если тебе хочется носить пижаму – носи. Но делай это стильно. Купи пару шелковых мужских пижамных брюк в стиле 50-х и носи их с облегающей майкой. Будь эксцентричной. Будь избирательной. Учись наслаждаться стилем. Зачем проживать свою жизнь в вытянутых спортивных штанах и ботинках, огромных, как клубные сэндвичи?» Учитывая, что я в своих ностальгических воспоминаниях о Калифорнии ходила в продуктовый магазин в резиновых шлепанцах и (выдохните!) в тренировочных штанах, замечание Натали очень точное.

Из записной книжки француженки: образ

Обращай внимание на качество, а не на количество. Делай покупки с умом, никогда не поддавайся на импульсивное желание что-то купить – если не уверена, что это действительно твое. Выбрасывай или отдавай всю одежду, которую не носишь (все, кроме эксклюзивных вещей для торжеств и того, к чему испытываешь особые чувства). Подбирай свой гардероб медленно, вещь за вещью. Создай продуманную коллекцию одежды и аксессуаров под девизом «я люблю все, что у меня есть». Избегай заранее составленных комплектов. Покупай вещи тех цветов и из тех тканей, что тебе нравятся. Избегай тенденции «одежда для успеха». Одевайся для себя, но каждый день делай это стильно. Ходи по магазинам пешком, гуляя, взаимодействуя с миром.

Французский отличительный знак

На протяжении многих веков французские короли и королевы были большими любителями драгоценностей. Они носили огромные тяжелые короны, круглые медальоны, изящные браслеты и украшенные драгоценными камнями серьги. Не удивительно, что француженка инстинктивно умеет подбирать аксессуары.

Фильм

«СКАЗКИ ЧЕТЫРЕХ ВРЕМЕН ГОДА»

Посмотрите четыре истории Эрика Ромера ради интеллектуальных диалогов, естественного, правдоподобного взаимодействия между хорошими, но малоизвестными актерами (ни намек на Денев или Депардьё) и особенно за возможность посмотреть на повседневный стиль одежды француженки. Ни высокой моды, ни банальностей – только вещи, взятые, возможно, из гардеробов самих актрис.

В наши дни невозможно представить француженку – или француза, коли на то пошло, – без их привычного шарфа на шее. (Можете вообразить Маленького принца на его одиноком астероиде без развевающегося желтого шарфа?) Шарф француженки – заплетенный, завязанный узлом, сложенный, затянутый петлей или наброшенный на плечи – придает законченный вид любому образу. Он одновременно изысканный и богемный, простой и роскошный.

Или, к примеру, ее сумочка – как правило, небольшая и имеющая четкую форму (не огромный мешок). Она сделана со вкусом и содержит лишь самые необходимые вещи (аккуратный кошелек, губную помаду, носовой платок, мобильный телефон, качественную ручку). Она может годами копить на сумку Hermes и потом носить ее до конца жизни.

Она носит украшения, проявляя благоразумие. Никаких парных браслетов или громоздких вещей, которые могли бы украсить конскую сбрую. Скорее, она наденет всего один изысканный предмет – на шею, на уши или на запястье, возможно, что-то старинное, вызы-

вающее интерес. Если она носит очки, они будут стильными, но не слишком модными и будут исполнять роль необходимого акцента, а не подчеркивать физический изъян. Зимой она наденет отличную пару мягких кожаных перчаток, скорее всего черных.

«Аксессуар – не просто предмет, который ты прикрепляешь к лацкану или надеваешь на шею, – сказала одна моя французская подруга. – Настоящий аксессуар обладает смыслом. Это небольшое дополнение к тебе самой». И в самом деле, самый лучший аксессуар обладает характером и ясно говорит о том, что хочет выразить француженка.

Fin

Мне понадобилось несколько лет, чтобы избавиться от некоторых красных, белых и синих предубеждений, которые были у меня по поводу собственного тела – и еще больше, чтобы наконец решиться снять верхнюю часть бикини. Но так много лет жизни среди француженок наконец разорвали швы ткани моей американской жизни. Француженка для нас как постоянное напоминание: чтобы быть по-настоящему свободными, мы должны полюбить свое тело и – расширяя представление о себе – избавиться от тирании (иначе не скажешь!) определенных культурных предрассудков и идеалов коммерческой рекламы. Нам необязательно всем выглядеть одинаково. Нам необязательно стремиться стать супермоделями. Нам необязательно *иметь* больше, чтобы *быть* чем-то большим. Француженка знает, что чувственность дана ей по праву рождения, и она гордится тем, что имеет – а не переделывает себя до бесконечности. И это – ключ к силе вечной женственности. Француженка – определенно хозяйка своей собственной жизни и своего тела. И она заботится и об одном, и о другом. Она занимает свою собственную позицию. Управляет своей лодкой. Живет своей жизнью.

«Никогда не носите артистических драгоценностей, они разрушают репутацию женщины».

КОЛЕТТ

Как повязать платок или шарф

Француженка завязывает платок или шарф тремя классическими способами:

Небрежный: для этого образа лучше всего подойдет мягкий кашемировый или узорный итальянский трикотажный шарф. Сложите длинный шарф вдвое, чтобы его концы совпали. Держа в одной руке два конца шарфа, а в другой – образовавшуюся петлю, положите шарф на шею. Протяните концы сквозь петлю и затяните настолько, насколько вам нравится. Можно задрапировать свободные концы на плече или оставить их висеть спереди.

Строгий: сложите квадратный или прямоугольный платок треугольником. Уложите так, чтобы один острый конец лежал на груди, а два других заведите за шею, перекрестите и верните вперед. Завяжите их над

большим треугольником квадратным узлом и заправьте концы. Свободный угол платка можно заправить в блузку или джемпер или слегка подтянуть к плечу.

Vielle dame (пожилая леди): сложите платок треугольником. Один угол набросьте на плечо, два других завяжите на втором плече квадратным узлом.

Книга

«ГОСПОЖА БОВАРИ» Гюстав Флобер

Даже если вы прочли ее в школе, перечитайте снова. Безграничное отчаяние Эммы Бовари сравнивается – нить к нити, цвет к цвету – с эстетикой ее существования: с одеждой, домом, едой, садом. «Чувственное наслаждение роскошью отождествлялось в ее разгоряченном воображении с духовными радостями, изящество манер – с тонкостью переживаний» (Перевод Н. Любимова.) Бедная пресыщенная и неудовлетворенная Эмма.

Писательница Эрика Йонг послала мадам Б. этот французский воздушный поцелуй: «Если Эмма Бовари со всем ее самообманом все еще трогает наши сердца, то лишь потому, что она хочет чего-то настоящего и важного, хочет, чтобы ее жизнь обрела смысл и величие». Очень, очень по-французски.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.